

МАСТЕР ГЛАЗАМИ ГПУ

ЗА КУЛИСАМИ ЖИЗНИ МИХАИЛА БУЛГАКОВА

Выявить физиономию

Визит серой фигуры

От хамов нет спасения

Пишу по чистой совести

За эту пьесу следовало бы расстрелять

«Бег» с препятствиями

Мыслим ли я в СССР?

Оглушительный звонок

По намыленному столбу

Голос друга

Выявить физиономию

Секретный отдел ОГПУ выловил заметку, появившуюся в ноябрьском номере берлинского журнала «Новая русская книга» за 1922 год. Некто Булгаков Михаил Афанасьевич сообщал, что он затевает составление «полного библиографического словаря современных русских писателей с их литературными силуэтами», и потому просил «всех русских писателей во всех городах России и за границей» присылать ему «автобиографический материал». Автор заметки призвал все газеты и журналы перепечатать его обращение.

Замысел, что и говорить, амбициозный! А главное – самодетельный, неподконтрольный. Кто этот новоявленный Брокгауз и Эфрон?

За личиной биографа угадывался литератор: «Желателен материал с живыми штрихами», а следующая фраза: «особенная просьба к начинающим, о которых почти или совсем нет материала», – этот акцент на молодых словно намекал, что и сам автор – новичок в литературе.

Впрочем, удостовериться во всем этом не составляло большого труда – тут же был указан адрес: Москва, Большая Садовая, 10, квартира 50.

Кончилась Гражданская война. Грозы военного коммунизма остались позади, советская власть переходила к строительству невиданной, первой в истории, социалистической республики. Начали с отступного маневра – нэпа,

новой экономической политики, временного возврата к частному рынку. Однако гибкость в экономике вовсе не означала идейной шаткости. Одолев внешнего врага, хозяева жизни – большевики – обратились к внутреннему. Настал черед интеллигенции, предстояло проверить ее на благонадежность, селекционировать: покорных – подчинить; от непокорных – избавиться: кого выбросить за кордон, кого, наоборот, изолировать и упрятать поглубже; а самых непокорных – к стенке, на революционном жаргоне – пустить в расход.

Затея со словарем русских писателей показалась небезобидной. Она явно шла вразрез с установкой властей. В самом деле, вместо размежевания, разделения литературы по единственно верному, классовому, признаку – на красных и белых, наших и не наших – предлагалось смотреть на нее как на единое целое независимо от государственных границ и политических взглядов.

В этом Лубянка усмотрела крамолу. На Булгакова было заведено досье. Коротенькая заметка в эмигрантском журнале дала толчок для многолетнего надзора за автором, слежки, которая, подобно хватке удава, то сжимает, то дает перевести дыхание, но уже не отпустит до самой смерти.

Что могло узнать тогда ОГПУ о нем, этом самом никому не ведомом Булгакове? Прописался в Москве год назад, тридцати одного года от роду, женат, живет очень бедно, в коммунальной квартире, служит секретарем в литературном отделе Главполитпросвета, перебивается мелкими гонорарами, печатая фельетоны в газетах и журналах. Один из тех литературных поденщиков, которых в столице – пруд пруди. На время Булгакова оставили в покое.

Дело получило продолжение через год. К заметке из «Новой русской книги» прибавилась копия перлюстрированного ОГПУ письма из Берлина писателя Романа Гуля в

Москву, другому писателю – Юрию Слезкину. Гуль, который по заказу зарубежного издательства составлял литературный раздел энциклопедического словаря, вспомнив, что Булгаков затевал подобную работу, просит его – через Слезкина – прислать собранные материалы, с уверениями об их непременно возврате. «Дело-то, в конце концов, общее, интересное и всем нужное» (письмо датировано 21 марта 1924 года).

Неизвестно, дошла ли просьба Гуля по назначению и что стало с материалами, которые собирал Булгаков, но из биографии его мы знаем, что к этому времени свою затею со словарем он оставил и больше не возобновлял, видимо поняв ее безнадежность.

Зато на полях письма Гуля проступает для нас другая информация. В ОГПУ приписали: «К делу Булгакова “Биографический словарь”. Гендин...»

Это имя в досье будет попадаться часто. Ибо именно ему, уполномоченному Седьмого отделения Секретного отдела Семену Гендину⁵⁰, поручено вести надзор за Булгаковым. И он берется за дело со все возрастающим рвением.

Уже в мае перехвачено и скопировано письмо к Булгакову сотрудника «Красного журнала для всех» Николая Каткова с предложением адресату напечатать главы из его романа «Белая гвардия». Таким образом, выясняется, что М.А. Булгаков – не столько библиограф и не только журналист, но уже и беллетрист, писатель! В литературном полку прибыло!

Вскоре досье пополнилось еще одним документом. Это тоже письмо, но не копия, а подлинник. 22 мая Константин Булгаков, двоюродный брат Михаила, сообщает ему из Киева о своем знакомстве с корреспондентом английской газеты «Дейли кроникл» Лоутоном и о том, что этот господин ищет

⁵⁰ Гендин С.Г. (1902–1939) – оперативный работник и следователь ОГПУ–НКВД, инспектор Особого отдела ГУГБ НКВД, заместитель начальника Разведывательного управления штаба РККА. Расстрелян.

подходящего спецкора для своей газеты в России. Советует попробовать: «Ты годишься... Не дрейфь... Вообще, пусть арапа...»

К письму приложена рекомендация для Лоутона, в которой Константин Булгаков дает характеристику своему родственнику:

Предъявитель этого письма – мой кузен Михаил Афанасьевич Булгаков... Он молодой русский писатель и уже корреспондировал в нескольких газетах и пишет в толстых журналах.

Он очень краток, но в то же время необычайно ярок и жив в описаниях и рассказах. В Москве он входит в известность. В то же время он очень энергичный человек. Вы увидите, будет ли он Вам полезен, если прочтете некоторые из его книг...

Увы, встреча Михаила Булгакова с господином Лоутоном не произошла. ГПУ вовремя предотвратило нежелательный контакт с иностранцем. Письмо из Киева до адресата не дошло, навсегда осев в архивах Лубянки. Это была первая успешная операция Гендина в биографии своего подопечного.

Так Булгаков не стал корреспондентом английской газеты. А как кстати это пришлось бы ему тогда! В том мае месяце, в очередной раз доведенный до отчаяния безденежьем, нищетой, начинающий писатель признался в одном из своих писем: «Себе я ничего не желаю, кроме смерти, так хороши мои дела!»

Разработка Булгакова органами сыска идет по нарастающей. Следующим этапом стала агентурная слежка за ним. Наладить ее было нетрудно: литературная среда кишела доносчиками. Начало положил в 1925 году неведомый нам секретный агент – имена и клички этого разряда служителей

Лубянки засекречены до сих пор и в изученных нами документах отсутствуют, поэтому наречем его просто Гепеухов – словом, изобретенным самим Булгаковым.

Место действия – московская квартира Евдоксии Федоровны Никитиной, литературоведа и издательницы, устраивавшей у себя так называемые «Никитинские субботники» – вечера, на которых писатели читали свои сочинения. В небольшом, уютном зале тесно, стих говор, хозяйка представляет гостям героя вечера – сегодняшнего автора...

А мы послушаем Гепеухова, теперь слово – ему.

Сводка Секретного отдела ОГПУ № 110:

Был 7 марта 1925 г. на очередном литературном «субботнике» у Е.Ф. Никитиной (Газетный, 3, кв. 7, т. 2–14–16).

Читал Булгаков свою новую повесть. Сюжет: профессор вынимает мозги и семенные железы у только что умершего и вкладывает их в собаку, в результате чего получается «очеловечивание» последней.

При этом вся вещь написана во враждебных, дышащих бесконечным презрением к Совстрою тонах:

1) У профессора семь комнат. Он живет в рабочем доме. Приходит к нему депутация от рабочих, с просьбой отдать им две комнаты, так как дом переполнен, а у него одного семь комнат. Он отвечает требованием дать ему еще и восьмую. Затем подходит к телефону и по № 107 заявляет какому-то очень влиятельному совработнику «Виталию Власьевичу» (?), что операции он ему делать не будет, прекращает практику вообще и уезжает навсегда в Батум, так как к нему пришли вооруженные револьверами рабочие (а этого на самом деле нет) и заставляют его спать на кухне, а операции делать в уборной. Виталий Власьевич успокаивает его, обещая дать «крепкую» бумажку, после чего его никто трогать не будет. Профессор торжествует. Рабочая делегация остается с носом.

«Купите тогда, товарищ, – говорит работница, – литературу в пользу бедных нашей фракции». – «Не куплю», – отвечает профессор. «Почему? Ведь недорого. Только пятьдесят копеек. У вас, может быть, денег нет?» – «Нет, деньги есть, а просто не хочу». – «Так, значит, вы не любите пролетариат?» – «Да, – сознается профессор, – я не люблю пролетариат».

Все это слушается под сопровождение злорадного смеха никитинской аудитории. Кто-то не выдерживает и со злостью восклицает: – Утопия!

2) «Разруха, – ворчит за бутылкой Сен-Жульена тот же профессор, – что это такое? Старуха, еле бредущая с клюкой? Ничего подобного. Никакой разрухи нет, не было, не будет и не бывает. Разруха – это сами люди. Я жил в этом доме на Пречистенке с 1902 по 1917-й, пятнадцать лет. На моей лестнице двенадцать квартир. Пациентов у меня бывает сами знаете сколько. И вот внизу, на парадной, стояла вешалка для пальто, калош и т.д. Так что же вы думаете? За эти пятнадцать лет не пропало ни разу ни одного пальто, ни одной тряпки. Так было до 24 февраля, а 24-го украли все: все шубы, моих три пальто, все трости, да еще и у швейцара самовар свистнули. Вот что. А вы говорите – разруха».

Оглушительный хохот всей аудитории.

3) Собака, которую он приютил, разорвала ему чучело совы. Профессор пришел в неопишемую ярость. Прислуга советует ему хорошенько отлупить пса. Ярость профессора не унимается, но он гремит: «Нельзя. Нельзя никого бить. Это – террор, а вот чего достигли они своим террором. Нужно только учить». И он свирепо, но не больно тычет собаку мордой в разорванную сову.

4) «Лучшее средство для здоровья и нервов – не читать газеты, в особенности же “Правду”. Я наблюдал у себя в кли-

нике тридцать пациентов. Так что же вы думаете, не читавшие "Правду" выздоравливают быстрее читавших...» – и т.д., и т.д.

Примеров можно было бы привести еще великое множество, примеров того, что Булгаков определенно ненавидит и презирает весь Совстрой, отрицает все его достижения.

Кроме того, книга пестрит порнографией, облеченной в деловой, якобы научный вид.

Таким образом, эта книжка угодит и злорадному обывателю, и легкомысленной дамочке и сладко пощекочет нервы просто развратному старичку.

Есть верный, строгий и зоркий страж у Советской власти, это – Главлит, и если мое мнение не расходится с его, то эта книга света не увидит. Но разрешите отметить то обстоятельство, что эта книга (первая ее часть) уже прочитана аудитории в 48 человек, из которых 90 процентов – писатели сами. Поэтому ее роль, ее главное дело уже сделано, даже в том случае, если она и не будет пропущена Главлитом: она уже заразила писательские умы слушателей и обострит их перья. А то, что она не будет напечатана (если не будет), это-то и будет роскошным им, писателям, уроком на будущее время, уроком, как не нужно писать для того, чтобы пропустила цензура, то есть как опубликовать свои убеждения и пропаганду, но так, чтобы это увидело свет...

Мое личное мнение: такие вещи, прочитанные в самом блестящем московском литературном кружке, намного опаснее бесполезно-безвредных выступлений литераторов 101-го сорта на заседаниях «Всер. Союза поэтов».

9 марта 1925 г.

Надо отдать должное старанию и цепкой памяти осведомителя: пересказывает он – с голоса автора – подробнейшим образом, успевая при этом фиксировать и реакцию слушателей. А какая прицельная точность: подсчитал и число собравшихся, и процент писателей среди них, запомнил даже номер телефона, который набирает герой повести, – на всякий случай... И тут же анализирует, делает выводы, выдает рекомендации – прямо отдел пропаганды ЦК ВКП(б). Ценный кадр – артист своего дела!

Судя по всему, Булгаков читал у Никитиной какой-то ранний вариант своей повести «Собачье сердце» – в гепеуховом пересказе есть разночтения с известным, опубликованным текстом. Там влиятельного сотрудника зовут не Виталий Власьевич, а Виталий Александрович, номер его телефона не упоминается вовсе, партийные активисты собирают деньги для детей Франции, а не «в пользу бедных нашей фракции», профессор грозит уехать в Сочи, а не в Батум... Возможны тут, конечно, и ошибки не совсем уж безгрешной памяти Гепеухова. Оставим эти загадки булгаковедам.

Через две недели Гепеухов снова на посту.

Сводка Секретного отдела ОГПУ № 122 :

Вторая и последняя часть повести Булгакова «Собачье сердце», дочитанная им 21 марта 1925 г. на «Никитинском субботнике», вызвала сильное негодование двух бывших там писателей-коммунистов и всеобщий восторг всех остальных. Содержание этой финальной части сводится приблизительно к следующему: очеловеченная собака стала наглеть с каждым днем все более и более. Стала развратной: делала гнусные предложения горничной профессора. Но центр авторского глумления и обвинения зиждется на другом: на ношении собакой кожаной куртки, на требовании жилой площади, на проявлении коммунистического образа мышления. Все это вывело профессора из себя, и он разом

покончил с созданным им самим несчастьем, а именно: превратил очеловеченную собаку в прежнего, обыкновеннейшего пса.

Если и подобные грубо замаскированные (ибо все это «очеловечение» – только подчеркнуто заметный, небрежный грим) выпады появляются на книжном рынке СССР, то белогвардейской загранице, изнемогающей не меньше нас от бумажного голода, а еще больше от бесплодных поисков оригинального, хлесткого сюжета, остается только завидовать исключительнейшим условиям для контрреволюционных авторов у нас.

24 марта 1925 г.

Мавр сделал свое дело. С этого времени ОГПУ уже не выпускает писателя из-под жесткого контроля. Следит за его местопребыванием, сменой квартир («По делу Булгакова. Совершенно секретно... Булгаков ранее проживал по Б. Садовой ул., № 10, кв. № 50 и 29.10.24 г. переехал по адресу: Обухов пер., № 9, кв. № 4»). Перлюстрирует и анализирует переписку, выявляя нездоровый и враждебный душок. Так, на Лубянке, несомненно, с тревогой узнали, что писатель хочет через посредника напечатать свои вещи за рубежом, и были удовлетворены, когда это не удалось. Посредник (фамилия его в досье не указана) 2 января 1925-го сообщил автору, что все попытки «пристроить роман» оказались безуспешными, а по поводу другого произведения – повести – многозначительно остерег: «Содержание ее может быть истолковано в неблагоприятном для СССР смысле... По-моему, издавать ее вне СССР на иностранном языке не стоит. Сатира заслуживает самого осторожного обращения. Не так ли?» На копии другого письма, в котором один из московских знакомых Булгакова (в ОГПУ его подпись предположительно расшифровали как «Ю. Готовский», – возможно, однако, это был писатель Юрий

Гайдовский) приглашал его 14 декабря к себе домой, на Маросейку, читать среди друзей «Белую гвардию», сотрудник ОГПУ приписал: «Так как письмо спешное, снял копию, а его направил по адресу...»

Прошедший 1925-й стал для Булгакова последним в череде тех тяжелых лет, которые он назвал позднее «доисторическими временами». Писатель постепенно выбирался из неустроенности и безвестности. Печатался в журнале «Россия» его первый роман «Белая гвардия», вышел в свет сатирический сборник «Дьяволиада». Новое имя заметила критика, запомнил читатель. Молодой автор в полном смысле слова оперился и с надеждой смотрел в будущее.

А для его лубянского опекуна Гендина новый 1926-й начался с неприятности.

На стол начальнику Секретного отдела Терентию Дмитриевичу Дерibasу⁵¹ попала агентурно-осведомительная сводка № 4 за 2 января, поступившая из Седьмого отделения:

В Москве функционирует клуб литераторов «Дом Герцена» (Тверской бульвар, 25), где сейчас главным образом собирается литературная богема и где откровенно проявляют себя: Есенин, Большаков, Буданцев (махровые антисемиты), Зубакин, Савкин⁵² и прочая накипь литературы.

Там имеется буфет, после знакомства с коим и выявляются их антиобщественные инстинкты, так как, чувствуя себя в своем окружении, ребята распоясываются.

Желательно выявить физиономию писателя М. Булгакова, автора сборника «Дьяволиада», где повесть «Роко-

⁵¹ Дерibas Т.Д. (1883–1938) – в 1923–1929 гг. начальник Секретного отдела ГПУ–ОГПУ. В 1934–1937 гг. – начальник УНКВД Дальневосточного края. Расстрелян.

⁵² Большаков К.А. (1895–1938) – поэт и прозаик. Расстрелян; Буданцев С.Ф. (1896–1940) – поэт, прозаик. Умер в лагере на Колыме; Зубакин В.М. (1894–1938) – поэт, философ. Расстрелян; Савкин Л.Н. (Забелин Е.) (1905–1943) – поэт. Умер в лагере на Колыме.

вые яйца» обнаруживает его как типичного идеолога современной злопыхательствующей буржуазии.

Вещь чрезвычайно характерная для определенных кругов общества.

Только что, 31 декабря, Москва похоронила Сергея Есенина. Горе для всей земли Русской! Тело поэта при несметном стечении народа пронесли через центр города. Траурный митинг у памятника Пушкину. В газетах – некрологи. Публика назлектризована слухами и сплетнями. А лубянские служаки отмечают это по-своему – посмертным доносом! И Есенин для них – не великий поэт, а «накипь литературы»!

Старый революционер, опытный чекист Дерibas пришел в ярость. Он устраивает разгон Седьмому отделению, накладывает на донос резолюцию: «Тов. Гендину. Покойников можно оставить в покое! А в чем конкретно выражаются их антисоветские инстинкты? Вообще надо воду прекратить и взяться всерьез за работу по руководству осведомлением».

Другими словами, охоту на писателей, конечно, надо продолжать, но не с такими же глупыми ищейками! Даешь других гепаховых, под статью нашей литературе!

Автор скандальной сводки, надо думать, получил нагоняй, штат осведомителей был укреплен. И в «Дом Герцена», в котором в то время находился Союз писателей и сосредотачивалась публичная литературная жизнь, – тот самый знаменитый писательский муравейник, с блеском описанный потом Булгаковым в романе «Мастер и Маргарита» как «Дом Грибоедова», – посылаются квалифицированные агенты.

Какой-то переполох, во всяком случае, произошел на лубянской кухне, ибо отныне Гендин, а вместе с ним и булгаковское досье перекочевали из Седьмого в Пятое отделение Секретного отдела, под контроль его начальника Александра

Славатинского⁵³. Теперь и он будет читать все доносы на Булгакова. Пара глаз хорошо, а две – зорче.

Славатинский в сыске над писателями – двойной профессионал, он известен еще и как «пролетарский поэт», широко печатавшийся в первые годы советской власти. Стихи он писал с пафосом и надрывом, но по-своему красноречиво:

...Кровь и мозги на каменной стене
И на полу измятая шапчонка...
И это сделал – я!.. О горе мне! –
Я не смогу взглянуть в глаза ребенка...

Результат усиленного надзора за Булгаковым не замедлил сказаться. Первое же после этого публичное выступление писателя сопровождалось сразу двумя донесениями. Одно из них составил сам Славатинский, выступивший в роли Гепеухова. Он собственной персоной заявился на диспут под названием «Литературная Россия», имевший быть в самом торжественном и престижном Колонном зале Дома союзов 12 февраля 1926 года. Затерявшись в кипящей аудитории, внимательно слушал все от начала до конца и подкреплял память набросками в блокноте. Уходя, захватил трофеи – билет на диспут и ловко перехваченную записку из публики. В последующие дни проштудировал газетные отклики о вечере.

И только тогда, в тиши кабинета, подытожил:

Агентурно-осведомительная сводка № 104

Отчеты о диспуте, появившиеся в «Известиях» и «Правде», не соответствуют действительности и не дают картины того, что на самом деле происходило в Колонном зале Дома союзов.

Центральным местом или, скорее, камнем преткновения вечера были вовсе не речи т.т. Воронского и Лебедева-

⁵³ Славатинский А.С. (1892–1939) – сотрудник Секретно-политического отдела ОГПУ–НКВД, заместитель начальника УНКВД по Саратовской обл. Расстрелян.

Полянского⁵⁴, а те истерические вопли, которые выкрикнули В. Шкловский и Мих. Булгаков. Оба последних говорили и остряли под дружные аплодисменты всего специфического состава аудитории, и, наоборот, многие места речей Воронского и Лебедева-Полянского прерывались свистом и неодобрительным гулом.

Нигде, кажется, как на этом вечере, не выявилась во всей своей громаде та пропасть, которая лежит между старым и новым писателем, старым и новым критиком и даже между старым буржуазным читателем и новым, советским читателем, который ждет прихода своего писателя.

Смысл речей Шкловского и Булгакова заключался в следующем:

Писателю скучно и читателю скучно, читателю нечего читать, и он принужден питаться иностранщиной. Наша критика ищет и выраживает в своих инкубаторах новых красных Толстых. Когда даже самая скверная бактерия нуждается в бульоне для питания, наш писатель не имеет этого бульона и от литературы бежит в кино. Но... диктатура пролетариата все же для пролетарского писателя еще более опасна, чем для буржуазного, ибо последний может все же найти себе хоть какой-нибудь заработок, составляя коммерческие рекламы для трестов.

Да и вообще скучно и не для кого писать. Ехал как-то Шкловский на извозчике и заинтересовался, почему у него такая плохая кляча. А извозчик говорит: «Кляча по седоку, а хорошая лошадь у меня на конюшне стоит».

Вообще же наша литература похожа сейчас на фабрику резиновых галош, которая стала выпускать галоши с дыркой (понимай – пролетарскую литературу). Публика –

⁵⁴ Лебедев-Полянский П.И. (1881–1948) – деятель литературы, критик, литературовед. В 1921–1930 гг. возглавлял Главлит, один из создателей советской цензуры.

потребитель – возмущается, а фабрикант говорит: «Помилуйте, вы обратите внимание на красивую форму галош, на их лоск». А какое дело обывателю до формы и блеска, когда на галошах дырка!

Впрочем, вообще, разве мы можем до чего-нибудь договориться здесь? Это борьба, но не настоящая борьба, когда-нибудь нам надо побороться честно, «по-гамбургски». А гамбургская борьба заключается в следующем: раз в год борцы, которые борются в цирках и жульничают, съезжаются в Гамбург и там, в интимном кругу, устраивают честную борьбу, на которой и устанавливаются категории и ранги борцов.

Таким образом, то, что происходит в зале Дома союзов, – это не борьба по-гамбургски.

В. Шкловский и Мих. Булгаков требуют прекратить фабрикацию «красных Толстых», этих технически неграмотных «литературных выкидышей». Пора перестать большевикам смотреть на литературу с узко-утилитарной точки зрения и необходимо наконец дать место в своих журналах настоящему «живому слову» и «живому писателю». Надо дать возможность писателю писать просто о «человеке», а не о политике.

Несмотря на блестящие отповеди т.т. Воронского и Лебедева-Полянского, вечер оставил после себя тягостное, гнетущее впечатление. Ничего не понял и не уразумел «старый писатель» за 8 лет и по сейчас остается для нового читателя чужим человеком. Этот диспут – словно последняя судорога старого, умирающего писателя, который не может и не сможет ничего написать для нового читателя. Отсюда внутренняя неудовлетворенность и озлобленность на современность, отсюда скука, тоска и собачье нытье на невозможность жить и работать при современных условиях.

Начальник 5 Отделения СО ОГПУ Славатинский

Рядом с этим добротным образцом фискального жанра второе донесение о том же диспуте обычного Гепеухова выглядит куда скромнее, но в сути своей подкрепляет выводы главы Пятого отделения:

...Выступление Булгакова. Он говорит, что «надоело писать о героях в кожаных куртках, о пулеметах и о каком-нибудь герое-коммунисте. Ужасно надоело». «Нужно писать о человеке», – заключил свое выступление Булгаков.

Его речь была восторженно принята сидящей интеллигенцией, наоборот же, выступление Кириона было встречено свистом интеллигенции и бурными аплодисментами рабкоров и служащих.

«Т. Гендину о Булгакове в его формуляр», – расписался Славатинский.

Что-то нужно было делать с этим Булгаковым. Руки давно чесались. А тут и случай подвернулся. С самого верха грянуло: ударить по сменовеховцам! Сеть завели пошире...

«– Верно, верно! – кричал Коровьев в бессмертном романе “Мастер и Маргарита”. – Вы подтверждаете мои подозрения. Да, он наблюдал за квартирой... И другой у подъезда тоже! И тот, что был в подворотне, то же самое!

– А вот интересно, если вас придут арестовывать? – спросила Маргарита.

– Непременно придут, очаровательная королева, непременно! – отвечал Коровьев. – Чует сердце, что придут, не сейчас, конечно, но в свое время обязательно придут...»

7 мая 1926 года пришли к самому писателю.

Визит серой фигуры

Днем агентурной разведкой через активотделение уточнили место жительства. Прежнее – в Обуховом переулке. Выделили исполнителя – оперуполномоченного Врачева⁵⁵. Выписали ордер за номером 2287, скрепленный подписью начальника Оперативного отдела Паукера⁵⁶:

«Выдан... Врачеву на производство обыска у Булгакова Михаила Афанасьевича...»

Обыска? Документ этот не так прост.

На одном листе с ордером, через намеченную пунктиром линию обреза, есть «Талон», адресованный начальнику внутренней тюрьмы ОГПУ: «Примите арестованного...» От руки вписан даже номер дела – «числить за 45», проставлена та же дата – 7 мая и подписи – Г. Ягода и Паукер. Остается только вписать фамилию – и носитель ее окажется за решеткой. Ловушка вроде бы открыта, но одно движение руки – и захлопнется!

Вечером – по испытанной стратегии чекистов действовать в темное время – Врачев отправился в Обухов переулок и, захватив в качестве понятого арендатора дома № 9 Градова, постучал в дверь квартиры № 4.

– Кто там? – донесся женский голос.

– Это я, гостей к вам привели! – бодро гаркнул арендатор.

Дверь распахнулась.

Дальнейшее известно: о том, как производилась операция, рассказала в своих воспоминаниях Любовь Евгеньевна Белозерская, в то время жена Булгакова.

⁵⁵ Врачев Г.Я. (1897–1937) – оперуполномоченный Пятого отделения Секретного отдела ОГПУ («антисоветские проявления среди интеллигенции и молодежи, правые группы и партии»). Расстрелян.

⁵⁶ Паукер К.В. (1893–1937) – в 1923–1934 гг. начальник Оперативного отдела ГПУ–ОГПУ. Расстрелян.

С. С. С. Р.

Объединенное Государственное Политическое Управление.

Талон ордера № 2287
 7 Мая 1926 г.

НАЧАЛЬНИКУ ВНУТРЕННЕЙ ТЮРЬМЫ О. Г. П. У.
 Примите арестованного

к которому находится

исать за 45

Заместитель Председателя О. Г. П. У.
 Начальник Оперативного Отдела

РАСПИСКА К ОРДЕРУ № 2287
 арестованного

Начальник внутренней тюрьмы

192 года

Примечание. Расписка предъявляется к разбору в прокуратуре.

С. С. С. Р.

Объединенное Государственное Политическое Управление.

Ордер № 2287
 7 Мая 1926 г.

Выдан сотруднику Оперативного Отдела О. Г. П. У.
 тов. Булгакову М. А.
 на производство обыска

Булгаков Михаил Александрович

по адресу: Восток пер. Д. 9 кв. 4.

ПРИМЕЧАНИЕ. Все должностные лица в указанной области обязаны доложить о выполнении настоящего ордера в течение 24 часов.

Место: * * * * *

Зам. Председателя О. Г. П. У.
 Начальник Оперативного Отдела

Справка 45.

СЕКРЕТНО

Ордер на обыск М.А. Булгакова. 7 мая 1926 года

Самого Михаила Афанасьевича не оказалось на месте, без него обыск не начинали. Сидели, молчали. Арендатор рассказал анекдот:

– Стоит еврей на Лубянской площади, а прохожий его спрашивает: «Не знаете ли вы, где тут Госстрах?» – «Госстрах не знаю, а госужас – вот!»

Рассказчик захохотал. Опять молчали – до прихода хозяина. И тут гости взялись за дело, не церемонились – переворачивали кресла, кололи их какой-то длинной спицей. Булгаков сказал:

– Ну, Любаша, если твои кресла выстрелят, я не отвечаю...

Словом, сюжет был совершенно булгаковский – для его книг.

Но вот что именно в точности было изъято и доставлено в ОГПУ, об этом мы узнаем лишь сейчас – из протокола обыска. Врачев явно был проинструктирован заранее: из всего вороха бумаг отобрал только «Собачье сердце» – два экземпляра, перепечатанные на машинке, три тетради дневников за 1921–1925 годы, рукопись под названием «Чтение мыслей» да еще два чужих стихотворных текста: «Послание евангелисту Демьяну Бедному» и пародию Веры Инбер на Есенина – образцы самиздата тех лет.

Операция эта была не единственной в Москве. По городу прокатилась целая волна обысков. Среди пострадавших оказался и Исай Лежнев, редактор журнала «Россия», в котором печатался роман Булгакова. Публикация «Белой гвардии» оборвалась: журнал скоро был закрыт, склад и магазин издательства опечатаны, а сам редактор не только обыскан, но и выслан за границу.

А 12 мая раздался выстрел, отозвавшийся громким эхом в литературных кругах. Покончил с собой беллетрист

Андрей Соболев. Случилось это не где-нибудь, а на самом бойком месте – на скамейке Тверского бульвара, рядом с тем «Домом Герцена», где помещался Всероссийский Союз писателей, председателем которого несколько лет был Соболев. Это тоже давний и близкий знакомый Булгакова, поддержавший его в черную годину, напечатавший первый из его московских рассказов. Смерть Андрея Соболева восприняли как трагическую демонстрацию.

Была ли какая-нибудь связь между серией обысков и выстрелом на Тверском бульваре – остается только гадать. Но то, что акции ОГПУ – единый замысел, несомненно. И доказательство тому мы находим в досье Булгакова, в позднейшем обзорном документе, пышно именуемом – «Меморандум». «Осенью 1926 года, – говорится там (непростительный для ОГПУ ляп – путать осень с весной), – во время закрытия лежневской «России» у ряда бывших сменовеховцев, в том числе и у Булгакова, был произведен обыск. У Булгакова были изъяты его дневники, характеризующие автора как несомненного белогвардейца».

Сменовеховцы – такие, как авторы журнала «Россия», отстаивавшего позицию честного, неангажированного издания, – были чужды политике советской власти, но сотрудничали с нею, надеясь на ее перерождение к лучшему. И репрессии против них не были каким-то самодурством ОГПУ – нет, чекисты просто претворяли в жизнь директивы последнего партийного съезда, объявившего решительную борьбу со сменовеховством. Удар по Булгакову – не исключительный акт, а часть большой охоты на независимых писателей. Цель – запугать, сделать послушными, пресечь все попытки несанкционированного общения и объединения.

Конечно, автора «Белой гвардии» записали в сменовеховцы лишь потому, что он печатал свой роман в их журнале. Сам он никогда к этой группировке себя не причислял и

даже относился к ней с антипатией. Но можно считать, он на этот раз еще легко отделался! Знал бы Булгаков, какая туча повисла над его головой.

Совсем недавно из секретных архивов всплыла докладная Генриха Ягоды в ЦК ВКП(б), в которой тогдашний зампред ОГПУ предлагал для разгрома сменовеховцев не только произвести у них обыски, но и «по результатам обысков... возбудить следствие, в зависимости от результатов коего выслать, если понадобится, кроме Лежнева, и еще ряд лиц». Седьмым в этом списке значился Михаил Булгаков, литератор⁵⁷.

Ирония судьбы: Булгаков оказался на волоске от высылки за границу – и чуть не получил то, чего не смог добиться потом всю жизнь. Как знать, быть может, он тогда и прожил бы дольше, и личная жизнь его сложилась бы безмятежнее. Но вот вопрос: подарил бы он тогда миру «Мастера и Маргариту»?

Писателя не арестовали, но были арестованы его рукописи, в том числе весьма откровенный дневник, имевший название «Под пятой». Органы вели наблюдение за Булгаковым давно, и он это знал. И сам вел за ними «наблюдение». В изъятном у него дневнике была такая запись:

1925 год. 2 января, в ночь на 3-е.

Забавный случай: у меня не было денег на трамвай, а потому я решил из «Гудка»⁵⁸ пойти пешком. Пошел по набережной Москвы-реки. Полулуние в тумане. Почему-то середина Москвы-реки не замерзла, а на прибрежном снеге и льду сидят вороны. В Замоскворечье огни. Проходя мимо Кремля, поравнявшись с угловой башней, я глянул вверх,

⁵⁷ Файман Г. Лубянка и Михаил Булгаков // Русская мысль. 1995. № 4080. 1–7 июня.

⁵⁸ В редакции газеты «Гудок» Булгаков работал литообработчиком читательских писем и фельетонистом.

приостановился, стал смотреть на Кремль и только что подумал «доколе, Господи», – как серая фигура с портфелем вынырнула сзади меня и оглядела. Потом прицепилась. Пропустил ее вперед и около четверти часа мы шли, сцепившись. Он плевал с парашюта, и я. Удалось уйти у постаменту Александру.

Теперь, с фактом обыска, «серая фигура» прицепилась к Булгакову еще крепче. Писателя решили припугнуть, дали понять, что отныне он на особом счету, на учете, взят на «крючок». Пусть знает – что бы он ни сделал, что бы ни написал – за ним неусыпно наблюдает всевидящее око! А теперь и компромат есть – изъятый дневник.